

Глава 13. Отметиться на службе

Когда Правый канцлер удалился, никто больше не заслонял Жун Цзюаню вид, и даже ветер в павильоне, казалось, подул свободнее.

Он несколько мгновений наслаждался свежим дуновением, но приступ кашля заставил его подняться. Система, судя по всему, пребывала в спящем режиме и не подавляла полностью физические недомогания этого тела.

Тихо покашливая, Жун Цзюань сделал всего несколько шагов, как вдруг на его плечи опустилась тяжесть.

Он скосил глаза — на нём лежал лёгкий плащ. Впереди, не сдвинувшись с места, стоял Се Яньчжоу. От его утреннего благодушия не осталось и следа.

— Решил простудиться до полусмерти, чтобы снова вызвать императорского лекаря и блеснуть бледным лицом перед Его Величеством?

Сколько яда в голосе!

Жун Цзюань, однако, утратил ту дерзость, что демонстрировал перед Жун Чэнлинем. Генерал не стал бы ждать его здесь лишь для того, чтобы накинуть на него плащ.

Ему протянули продолговатый предмет размером с ладонь и толщиной меньше большого пальца.

Жун Цзюань с любопытством потянулся к защёлке, но его руку вовремя перехватили.

— Тао Вэня и Тао Юна сегодня нет рядом. Если случится беда, открой защёлку. Это сигнальное устройство.

Императорские сады охранялись строго, и посторонним вход сюда был воспрещён. Обычно здесь было безопасно, но сегодня присутствовала иностранная делегация, а это вносило элемент непредсказуемости.

— Благодарю. — Прикосновение кожи заставило Жун Цзюаня инстинктивно отдернуть руку. Поняв, что это было невежливо, он пояснил: — У тебя очень горячие руки.

Даже у самого красивого воина ладони от постоянных сражений грубеют, а подушечки пальцев становятся шершавыми.

Он сказал правду, но Се Яньчжоу, услышав это, по какой-то причине ощутил лёгкий зуд.

Запахнув плащ, Жун Цзюань почувствовал, что настроение его улучшилось.

Проявленная забота о его безопасности означала, что шансы дойти до финала, опираясь на могучую поддержку Се Яньчжоу, и в итоге стать свидетелем смены династий, росли.

Нужно ковать железо, пока горячо, и закрепить их братские узы!

— Мы с генералом теперь считаемся сыновьями одного отца. Может, в будущем генерал станет звать меня младшим братом?

Се Яньчжоу, подавив неконтролируемый зуд, списал его на усталость последних дней. Услышав эти слова, он высоко вскинул бровь.

— Младшим братом?

Жун Цзюань, который брал больничные, чтобы просыпаться, когда солнце уже в зените, заискивающе улыбнулся.

— От слова «праздный».

Вдалеке ударили в гонг, прерывая разговор. Это был сигнал, что время для явки на службу истекает. Чиновники, до этого праздно болтавшие, как один устремились в одном направлении. Жун Цзюань оставил свои попытки братания и присоединился к спешащей толпе.

Он шёл на удивление быстро, так что незнакомые чиновники, желавшие завязать разговор, были вынуждены отказаться от этой затеи.

Многие, прослышав о его недавнем «подвиге», специально искали случая познакомиться. В молодых сердцах, слишком долго подавляемых, тот удар мечом вызвал бурю восторга, и немало юношей втайне стали его поклонниками.

Жун Цзюань совершенно не замечал странных взглядов, которые бросали ему в спину, но Система их уловила.

[Я слышала о подавлении сексуальности, интересов и прочего. Малыш Жун, я обнаружила, что у здешних людей подавленное желание убивать послов.]

Жун Цзюань не ответил, его мысли были заняты лишь окончанием рабочего дня.

Робость императора на этот раз сослужила добрую службу. Как и предсказывал Се Яньчжоу, после того как Жун Цзюань отметил своё присутствие, его отправили на мелкие поручения подальше от центра событий.

Перед уходом Се Яньчжоу, подумав, всё же сказал:

— Постарайся никуда не ходить и, самое главное, не ввязывайся в неприятности.

— Будь спокоен, — Жун Цзюань похлопал себя по груди. — Разве я похож на такого человека?

Вспомнив его обычную апатичность, Се Яньчжоу счёл, что беспокоиться не о чем.

Жун Цзюань потянулся на месте.

— Сегодня отметился — и свободен. Прекрасно.

Из-за его слабого здоровья ответственный за распределение чиновник поручил ему совсем немного дел. Коллеги теперь относились к нему весьма снисходительно, и вскоре он был предоставлен сам себе.

Всё утро прошло в блаженной праздности.

С восточного ипподрома доносились крики и аплодисменты — там в самом разгаре был матч по конному поло. Жун Цзюань бросил взгляд в ту сторону, гадая, разгромил ли Се Яньчжоу делегацию ужунов. По сравнению с восточным оживлением, западный ипподром, где царила тишина, казался унылым... и идеально подходил для того, чтобы вздремнуть.

Возвращаясь к павильону, Жун Цзюань прошёл мимо конюшен. Конюх поклонился ему.

Жун Цзюань небрежно махнул рукой и уже собирался пройти мимо, но вдруг остановился и вернулся.

Среди лошадей — диких, нескладных и откровенно несуразных — стоял один конь, чистый, с гладкой шерстью и изящным телосложением. Любопытно бы остановился, увидев его.

— Хорош.

Хоть он и уступал в великолепии Инь Сяо, его кроткий вид подкупал.

— Этого коня зовут Жо Шуй, — пояснил конюх. — Редкая порода, и нрав у него смирный. Не желаете ли попробовать, господин?

Пока Жун Цзюань колебался, служитель уже проворно вывел коня. Он был уверен, что тот не откажется. Вся столица знала о страсти молодого господина к верховой езде и его привычке носиться по улицам. Вид этого коня, одного на миллион, должен был разжечь в любом ценителе неудержимое желание.

Жун Цзюань погладил гриву, и в его глазах загорелся интерес.

— Подожди меня.

Сказав это, он пошёл обратно той же дорогой и вскоре вернулся, ведя за собой Хоу Шэня, которого он спешно разыскал.

«Собирается устроить скачки с коллегой?»

Это была неожиданно хорошая новость. Во время скачек несчастные случаи — обычное дело.

Мужчина с широкой улыбкой подошёл к Хоу Шэню.

— Господин, позвольте, я подержу ваши вещи.

Хоу Шэнь держал в руках бумагу и кисть.

— Не нужно, — ответил за него Жун Цзюань и, повернувшись к конюху, сказал: — Отойди подальше.

Служитель послушно отошёл в сторону, ожидая, когда конь пустится вскачь.

— Ещё дальше.

Шаг за шагом мужчина отступал, пока не оказался в нескольких сотнях метров.

На другом конце круга Жун Цзюань вскочил в седло и занёс хлыст. Конюх, стоявший вдалеке, опустил голову, пряча улыбку. Хотя их разделяло большое расстояние, его взгляд был прикован к животному. Однако по какой-то причине хлыст всё не опускался.

Улыбка на лице конюха сменилась хмурым выражением.

Если конь не побежит, яд в его теле не подействует быстрее. В этот момент Жун Цзюань слегка изменил позу, наклонился вперёд и натянул поводья, словно готовясь к стремительному рывку.

Но в следующую секунду замер.

Когда Жун Цзюань снова пришёл в движение, он совершил восемь разных поз за три секунды, но так и не тронулся с места.

Движение, остановка, снова движение, снова остановка. И так раз за разом.

Конюх терял терпение, не понимая, что пошло не так.

«Он заметил, что с конём что-то неладно?»

Нет, если бы заметил, уже позвал бы императорскую гвардию.

В этот момент выглянуло солнце, осветив его профиль. Жун Цзюань обернулся и улыбнулся.

«...»

— Какая лучше? — сидя на коне, спросил Жун Цзюань у Системы, приняв позу под углом в сорок пять градусов.

[Все хороши, но последняя — лучшая. Если не нравится, у меня есть камера для мозга. Оформите подписку и получите доступ к ста лучшим позам для фото.]

Жун Цзюань выбрал самую величественную и кивнул.

— Брат Хоу, можно начинать.

Хоу Шэнь подошёл на нужное расстояние и, взяв бумагу и кисть, начал делать наброски.

Незадолго до этого Жун Цзюань нашёл его и попросил нарисовать портрет, требуя лишь передать «дух» и назвав это «быстрым наброском».

Когда-то этот юноша был известен своей любовью к быстрой езде по городу, теперь же он казался так слаб, что не мог даже удержаться в седле, и вынужден был довольствоваться лишь нарисованным образом. Сердце Хоу Шэня сжалось от жалости. Но вспомнив, как этот же человек, не колеблясь, обнажил меч против ужунов, он почувствовал прилив восхищения.

Жун Цзюань и не подозревал, что творится в голове у художника, и просто ждал свой портрет.

Каждый год их исторический отдел устраивал коллективные путешествия. Несмотря на свою

лень, Жун Цзюань никогда от них не отказывался.

Человек рождается, чтобы увидеть мир. Но слишком утомляться тоже нехорошо, поэтому у него был свой уникальный способ путешествовать: просыпаться, когда захочется, наслаждаться местной кухней, брать повозку до главных достопримечательностей и делать фотографии.

Этот ритуал никогда не давал сбой.

И фотография была самой важной его частью.

Увидев сегодня такого красивого коня, он, конечно же, должен был с ним сфотографироваться!

Хоу Шэнь и Жун Цзюань, каждый погружённый в свои мысли, не замечали конюха, который от всех этих странных телодвижений был на грани срыва.

«Кто приходит на ипподром, чтобы позировать для художника?!»

«Он что, больной на всю голову?»

На руках конюха вздулись вены. Он был готов пойти на отчаянный шаг — найти камень и напугать коня.

Когда он наконец нашёл подходящий камешек и поднял голову, Жун Цзюань уже слез с коня.

Две минуты в одной позе были для него пределом.

Следуя просьбе о «быстром наброске», Хоу Шэнь сперва наметил композицию и позы на нескольких листах, а дальше рисовал по памяти.

Спустившись на землю, Жун Цзюань почувствовал боль в бёдрах и побрёл к краю поля, чтобы отдохнуть.

Он не заметил почерневшего лица конюха, его мысли были полны уверенности в неотразимости своих поз.

— Эй, я ведь был великолепен?

«...»

Мужчина открыл рот, но не смог выдавить ни слова. Наконец, он с трудом произнёс:

— Господин, не хотите ли прокатиться? Просто сидеть на коне и...

Он чуть не выругался.

«Чем это отличается от того, чтобы занимать отхожее место и не справлять нужду?»

— Ты не поймёшь, — с важным видом ответил Жун Цзюань.

Главное, что есть фото.

— ??

Хоу Шэню требовалось ещё время, чтобы закончить рисунки, и Жун Цзюань решил вернуться в павильон, чтобы немного вздремнуть.

Его жизненное кредо было неизменно: урвать хоть полдня праздности в этой суетной жизни.

В Западных садах дул горный ветер. Утром, когда солнце только взошло, было жарко, но теперь в горах пошёл дождь, и температура резко упала.

— Хорошенько стой на страже, — наставлял Жун Цзюань Систему.

Чтобы не повторилась история, как в прошлый раз, когда убийца умер у них в комнате, а они и не заметили.

— Это называется «стоять на страже», — поправила Система, демонстрируя свои познания в культуре.

Выражение «следить за обстановкой» звучало не очень, словно они были злодеями.

Поскольку она каждый день просыпалась позже носителя, а засыпала раньше, спорить она не стала и послушно встала на пост.

Жун Цзюань плотнее закутался в плащ и, свернувшись калачиком, как котёнок, устроился на скамье.

В последнее время знатные господа пропитывали свою одежду благовониями. К счастью, у Се Яньчжоу не было этой модной привычки, и его плащ пах лишь свежестью мыльного корня.

Почему-то в памяти всплыло утреннее прикосновение его горячей ладони.

У Се Яньчжоу были большие руки с мозолями в тех местах, где он держал меч. Когда его ладонь случайно коснулась кожи, она оставила не только красный след, но и лёгкую дрожь.

«О чём я только думаю?»

Жун Цзюань поспешно потряс головой.

«Неужели от долгого одиночества у меня развилось то, что Система называет „подавлением сексуальности“?»

Он заснул, потеряв счёт времени. Его разбудил внезапный крик. Шум доносился издалека, земля под ногами слегка дрожала, словно от землетрясения. Жун Цзюань очнулся и понял, что уже близится полдень.

— Кажется, случилось что-то серьёзное.

Несмотря на это, Жун Цзюань и не подумал сдвинуться с места.

Если случилось что-то серьёзное, нужно держаться подальше. Только дурак полезет в самую гущу событий.

— Младший брат! — раздался голос из-под большого дерева. Это был Хоу Шэнь.

С тех пор как он однажды случайно назвал его так, он больше не обращался к нему иначе.

— Наконец-то я тебя нашёл! Случилось несчастье, пойдём скорее!

«...»

Когда Жун Цзюаня силой притащили на место происшествия, весь Западный сад был оцеплен тремя кольцами императорской гвардии.

На ипподроме, мимо которого он проходил ранее, виднелись свежие пятна крови. Человека, которого уносили на носилках, сотрясали крики боли. Большинство чиновников стояли на месте, дрожа от страха, а в центре, окружённый свитой, с почерневшим лицом возвышался император.

Жун Цзюань, воспользовавшись суматохой, проскользнул к Се Яньчжоу и, как суслик, высунул голову.

— Что стряслось?

Генерал, увидев внезапно появившегося юношу, выставил вперёд свою железную руку, частично заслоняя его от взглядов послов ужунов.

— Наследный принц упал с коня.

Чем короче фраза, тем серьёзнее дело. Этот принцип работал и здесь. Жун Цзюань попытался вспомнить, кто такой этот наследный принц.

На дворцовом пиру присутствовало пятеро принцев. Наследный принц тогда поддержал Се Яньчжоу, третий принц присоединился к нему, в то время как второй и четвёртый принцы примкнули к фракции гражданских чиновников во главе с Правым канцлером.

Отношения между вторым принцем и наследным принцем были явно враждебными.

При дворе было не так много фракций. В основном гражданские и военные чиновники недолюбливали друг друга, и у каждого были свои сторонники.

Раз Жун Чэнлинь был близок со вторым и четвёртым принцами, значит, Управление по надзору, скорее всего, поддерживало партию наследного принца.

Падение наследного принца... должно было стать ударом для Управления.

Поскольку дело касалось его новоиспечённого отца и названного брата, Жун Цзюань собрался с мыслями и внимательно посмотрел на Се Яньчжоу. Однако тот не выказывал ни малейшего огорчения. Он лишь пристально изучал место падения, словно судьба наследного принца его совершенно не волновала.

Се Яньчжоу, заслоняя его, стоял в несколько неестественной позе. Теперь, когда Жун Цзюань высовывался из-за его спины, он практически прижимался к нему всем телом.

В отличие от твёрдых мышц воина, тело Жун Цзюаня было до смешного мягким.

И слишком лёгким.

Се Яньчжоу нахмурился. Сколько его ни кормили, а веса так и не прибавилось.

Вскоре командующий гвардией доложил о самоубийстве конюха. Император пришёл в ярость.

— Наследный принц — искусный наездник! Как он мог без причины упасть с коня?

Его голос эхом разнёсся по ипподрому. Лица чиновников стали ещё мрачнее.

Всё это и впрямь выглядело очень странно.

Во время матча по конному поло Се Яньчжоу разгромил делегацию ужунов. Разгневанные послы покинули поле. Вскоре после этого наследный принц под предлогом нужды отлучился, а затем произошло падение.

В Западных садах было четыре ипподрома. Самый большой и ровный предназначался для конного поло. Никто не мог предсказать, в какое время и по какому ипподрому проедет наследный принц.

С какой стороны ни посмотри, всё выглядело как цепь случайностей.

Но именно это и вызывало подозрения. Никто не верил в совпадения.

Самоубийство конюха лишь усугубляло дело.

Чиновник из Верховного суда был вынужден выступить вперёд и, обращаясь к делегации, спросить:

— Не соблаговолите ли вы объяснить, почему вы оказались вместе с Его Высочеством наследным принцем?

В момент падения делегация ужунов была рядом. Более того, один из послов застрелил взбесившуюся лошадь.

Обвинение было брошено им в лицо. Посол ужунов на ломаном языке гневно ответил:

— Он подошёл к нам с добрыми словами. Сказал, что это всего лишь игра и не стоит принимать её близко к сердцу.

Чиновник из Верховного суда замер, инстинктивно желая возразить, но не имея доказательств лживости их слов.

Ситуация стала неловкой.

Если они говорят правду, то наследный принц выглядел двуличным: с одной стороны, он заискивал перед армией, пытаясь заручиться поддержкой Управления по надзору и Военного министерства, а с другой — боялся слишком сильно обидеть ужунов.

Такое поведение очень напоминало стиль самого Его Величества.

Конечно, об этом все осмеливались думать лишь про себя.

Собравшиеся вместе, они создавали гнетущую атмосферу. Запах крови, смешанный с пылью, испарялся на солнце и бил в голову.

Жун Цзюань, затаив дыхание, смотрел на солнце.

Наследный принц сам по глупости пошёл извиняться перед послами и попал в беду. Главное, чтобы это не помешало ему пообедать.

После инцидента всех лошадей с западного ипподрома увели. Неизвестно, на какой именно скакал принц. Внезапно Жун Цзюаня осенило, и его взгляд стал серьёзным.

Когда и где проедет наследный принц — всё это были неконтролируемые переменные. А что же было константой?

Он медленно перевёл взгляд в одну точку, на застывшего в стороне Правого канцлера, и вспомнил утренний разговор, похожий на ультиматум.

«Неужели это связано с моим новоиспечённым отцом?»

Изначально внимание Жун Цзюаня было приковано к Жун Чэнлиню, но вскоре он заметил ещё кое-кого.

Рядом с Правым канцлером стоял молодой человек не в чиновничьем одеянии, а в простой одежде для верховой езды. Его манеры отличались от поведения старых придворных лис. Он был очень молод, с располагающей внешностью. Из широких рукавов его халата выглядывали свитки и маленькие золотые счёты, набитые так плотно, что, казалось, вот-вот выпадут.

В данный момент он, слегка наклонив голову, что-то говорил.

Правый канцлер терпеливо слушал.

В этот же момент Система обратилась к Жун Цзюаню.

[Ц-ц-ц, малыш Жун, каждый раз, когда ты спишь на улице, происходит убийство. К счастью, на этот раз ты не подозреваемый.]

«Замолчи!»

В следующую секунду незнакомый чиновник внезапно выступил вперёд.

— Ваше Величество, у меня есть донесение.

<http://bllate.org/book/15979/1498457>